

УДК 391.4; ББК 79.1; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2018.204>

А. А. Михайлова

**«ЧЕРНОГОРСКАЯ ШАПКА» КАК ВИЗУАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ:
К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИИ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЭМ)**

«И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай».

(А. С. Пушкин. Бонапарт и черногорцы, 1834 г.)

Важнейшими точками опоры истории как метафизического конструкта являются объективированные свидетельства. Особое место среди них принадлежит тем, которые в результате музеологической селективности обрели статус предмета-памятника. Их специфика заключается не только в том, что они выступают в качестве выявленных источников информации о прошлом, но и в том, что они используются в настоящем для репрезентации исторической действительности. Репрезентативное предназначение этих предметов, в свою очередь, требует наделения их интерпретационным аппаратом, который бы обеспечивал их корректное соотнесение с мысленно реконструируемой культурной целостностью. Стремление к восполнению информационного вакуума, неизбежно образующегося вокруг предмета вследствие вычленения его из среды бытования и перемещения в музейное пространство, заставляет искать способы расширения атрибутивных сведений о нем посредством современных интегративных подходов.

Общая логика обращения к предмету исходит из того, что помимо очевидных характеристик музейного памятника, у него имеется множество имплицитных атрибутов. Если при спонтанном обращении к предмету, как правило, улавливаются лишь его визуально отличимые физические признаки, такие как форма, объем, цвет, материал и т. д., то при специальном рассмотрении у него обнаруживается ряд неочевидных, но не менее важных свойств. Методологически вооруженный взгляд позволяет рассматривать

экспонаты как объективированные носители информации о человеке, его культуре, социальности, ментальности, навыках, потребностях, как средства коммуникации, индивидуальной и коллективной памяти, как компоненты исторической повседневности, пространства и маркирующей его ситуативности. Выявление и репрезентация этих аспектов являются приоритетами в современной практике изучения музейного наследия. Таким образом, признание документального потенциала музейного памятника заставляет отходить от эмпирически-описательных подходов и прибегать к более сложным комплексным методам источниковедческого анализа¹.

В рамках данной парадигмы принципиально важно учитывать ряд факторов, имеющих существенное значение для интерпретативных возможностей. В частности, необходимо иметь в виду, что артефакты в музейном пространстве оказываются вычлененными из своего прежнего предметного окружения, изначально определявшего их практическое и семантическое значение. Такая внеансамблевость лишает их повествовательной полифонии. В этой связи, отправным шагом на пути выстраивания интерпретаций становится воссоздание пространственно-временного контекста той среды, из которой тот или иной предмет произошел. Мысленная осязаемость такого контекста достигается путем соотнесения предмета с исторической канвой и сведениями из визуальных и нарративных источников. Подобное соизмерение позволяет преодолевать постоянно растущую хронологическую дистанцию между периодом бытования предмета и настоящим моментом, заставляя его открывать свой информационный потенциал как участника исторической действительности. Выявление исторической природы памятника позволяет рассматривать его и в качестве элемента языка культуры, а также в контексте функций, отводимых ему в этой культуре².

Другим важным инструментом раскрытия информационного потенциала памятника служит его соотнесение с известными аналогами и с предметами, сопутствовавшими его бытованию. Поиск аналогий позволяет верифицировать гипотетические сведения, дополнять их данными о вариативности рассматриваемого явления и проследить его генезис. В то же время некоторые свойства предмета становятся очевидными лишь при его рассмотрении в качестве совокупного элемента других компонентов коллекции, в составе которой он поступил в музей. Выявление контактной топографии предмета дает возможность судить о его роли и месте в общей панораме рассматриваемого явления.

Еще одним аспектом, позволяющим уловить значение, присущее исключительно данному предмету, является выявление его персонифицированности, то есть связи между ним и человеком или группой лиц, наделивших его статусом памятника. Эта связь, как правило, обнаруживается через обращение к обстоятельствам попадания экспоната в фонд музея, внимание к мировоззренческим особенностям и исторической эпохе, в которую жили люди, выделившие рассматриваемый объект из множества других компонентов предметного мира и признавшие за ним его информационную глубину и

¹ Ван Мениш П. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. 2014. № 1. (9). С. 69; Андреева И. В. Музейный предмет как документ: к истокам документивной концепции музееведения // Вестник культуры и искусств. 2017. № 3 (51). С. 8.

² Мьельников А. С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 7–37; Байбурун А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 215–226.

выразительность³. Понимание мотивов наделения предмета статусом артефакта помогает разглядеть доминантные свойства культурно-исторического характера, присущие именно этому предмету.

Перечисленные аспекты представляются существенными для аналитических стратегий, используемых при изучении этнокультурного музейного наследия. Осмысление этнографических артефактов в XXI в. обретает особую актуальность в свете того, что со второй половины XX в. и по настоящее время в музейных собраниях помимо памятников традиционной культуры доиндустриальной эпохи стали появляться и более поздние предметы, представляющие собой реплики или модификации архаичных аналогов, выступающие в роли символов этничности или инструментов ее выражения. Такие предметы позволяют фиксировать современные тенденции в способах репрезентации этнической идентичности в условиях глобально изменяющегося мира. Наблюдаемый крен в стратегии комплектования фондов и очевидная нетождественность понятий «этнический» и «традиционный» породили в музеологическом дискурсе проблему выраженности идеи этноса в вещевых артефактах⁴. Особую полемичность она приобретает в контексте современных конструктивистских теорий, рассматривающих этничность в категориях «воображаемая», «плавающая», «ситуативная» и т. д. (см. работы Б. Андерсена, Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Р. Брубейкера и прочих). В этой связи именно принцип комплексного изучения музейного наследия, основанный на применении интегративных аналитических подходов, позволяет выявлять глубину его информационного потенциала и историко-культурной репрезентативности.

Ярчайшим примером этнографического музейного памятника выступает традиционный костюм, поскольку он обладает целым комплексом этномаркирующих признаков. В то же время его структура, функции, семантика и генезис в этнологическом дискурсе составляют довольно широкую проблематику. Ее разработка ведется, в частности, путем наведения исследовательского фокуса на отдельные компоненты костюма. Построение интерпретаций, основанных на комплексном многоаспектном анализе, позволяют объяснять не только фасадную утилитарность этих предметов, но и их внутреннюю антропологичность, отсылающую к проблеме коллективного мировоззрения и памяти.

Подобная историко-культурная выразительность присуща, в частности, предметам из собрания по этнографии балканских славян Российского этнографического музея⁵. Эти памятники хронологически соотносятся с историей XIX и XX столетий и выступают свидетелями эпохи утверждения национальных государств в Балканском регионе, югославянской интеграции и постюгославского кризиса. Символика, запечатленная на некоторых артефактах, позволяет проследить динамику этих исторических процессов через призму этнического сознания.

³ *Лысенко О. В., Прокопьева Н. Н.* Исследователи традиционной культуры и их коллекции: отражение в зеркале музейного собрания // *Материалы по этнографии*. Т. III. СПб., 2010. С. 323–329.

⁴ *Баранов Д. А.* 1) О чем молчат вещи // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 5. С. 25–39; 2) *Музей, вещь, собиратель...* // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 3. М., 2004. С. 89.

⁵ *Михайлова А. А.* Феномен сглаза и обережные мотивы в сербской традиционной вышивке: поиск актуального подхода к изучению этномузеологического наследия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2 (20). С. 47–64.

Показательным примером фиксации исторической информации в вещевом формате служит «черногорская шапка» (*черног.* «*crnogorska kara*») — головной убор, один из важнейших символов предметного кода черногорской идентичности. Она выступает в качестве компонента так называемого «черногорского костюма» — комплекса парадной одежды, сложившегося в XIX в. в качестве национального типа одежды населения княжества, потеснившего к началу XX в. локальные типы костюма⁶. Важнейшей функцией этого костюма стала репрезентация этнокультурной общности черногорцев, в том числе и в период ее пребывания в составе югославянских государственных образований в XX и в начале XXI в. В настоящее время он продолжает выполнять эту функцию, находя активное применение у участников фольклорных коллективов. В повседневности, в обрядовых и торжественных случаях практическая необходимость в костюме фактически утрачена. Однако «черногорская шапка» во многих домах служит непременным элементом интерьера. Ее помещают на видное место на стене гостиной комнаты, нередко рядом с другим важным предметным этническим символом — народным инструментом «гусле». Таким образом, традиционный головной убор в постиндустриальную эпоху обрел вторичную функцию — из предмета одежды он превратился в средство невербального высказывания, маркирующего жилое пространство и декларирующее этническую принадлежность и семейную преемственность.

Такое функциональное замещение стало возможным благодаря инструментальному удобству и информативной выразительности данного элемента костюма, его мифологизированности и устойчивому ассоциированию с героическим прошлым народа. Исследователями подчеркивается, что в составе костюма шапка обладает «особенным символическим национальным значением»⁷. Это значение основывается не только на исторической роли данного атрибута, но и на том отношении, которое сложилось к нему в менталитете черногорцев. По этой причине наблюдаемая в последние годы ревизия национальной истории в постъюгославской Черногории не обошла стороной и феномен «черногорской шапки». Широкая полемика развернулась, в частности, по вопросу ее древности и аутентичности ее символики и декора.

В период нахождения Черногории в составе единых с Сербией государственных образований (1918–2006) в югославской этнографической литературе преобладало мнение об этническом родстве и общности истории населяющих Балканы славян. В силу этого многие культурные феномены рассматривались как неразделимые и взаимодополняющие. В частности, появление «черногорской шапки» связывали с периодом правления Петра I Петровича Негоша (1784–1830), а ее широкое распространение — со временем черногорского владыки Петра II Петровича Негоша (1830–1851). Подчеркивалось, что владыка, называвший себя сербом и радевший за объединение всех сербских племен в едином государстве, одаривал этими шапками черногорских старейшин для того, чтобы они носили их как символ сербства⁸.

К концу XX в. идея югославянского единства по ряду причин стала утрачивать свою актуальность, а в исследованиях черногорских этнологов обозначился поиск узколо-

⁶ Народы Зарубежной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 488.

⁷ Барјактаровић М. Порекло и време настајања «Црногорске ношње» // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1979. Књ. 43. С. 119.

⁸ Влаховић М. О најстаријој капи код Југословена с обзиром на збирку капа етнографског музеја у Београду // Зборник Етнографског музеја у Београду 1901–1951. Београд, 1953. С. 151.

кальных корней национальной истории, уходящих в глубокую древность. Такой подход объясняется стремлением правящей элиты инструментализировать объективированные формы культуры для легитимизации политического курса, направленного на дезинтеграцию с бывшими югославскими республиками. К решению этой задачи, в частности, были привлечены данные археологии. Далекие от прямых аналогий, они легли в основу распространенного утверждения о бытовании прототипа «черногорской шапки» еще у яподов — древнеиллирских племен, населявших Балканы с IX в. до н. э.⁹ Вместе с тем, символика сербского единства — крест с четырьмя огнивами (*черног. krst i četiri ognjila*), бытовавшая на «черногорских шапках» в период постосманской югославянской интеграции, в черногорских СМИ была объявлена «оккупационной», «навязанной сербской агентурой», «выражением унитаристского великосербского господства». Сербская идентичность черногорцев также названа вымышленной черногорским владыкой Петром II Петровичем Негошем, попавшим под влияние своего учителя серба — Симы Милутиновича Сарайлии (1791–1847)¹⁰.

Несмотря на то, что среди археологических образцов антропоморфной мелкой пластики позднеримской эпохи действительно встречаются фигурки с плоской поверхностью головы, оснований для установления преемственности между иллирской культурой и традицией черногорского головного убора периода Нового времени явно недостаточно. Наиболее ранним источником, свидетельствующим о бытовании «черногорской шапки» в ее известном облике, принято считать акварель «Черногорцы», написанную в 1782 г. австрийским посланником в Черногории Ф. Вукасовичем¹¹. Узнаваемость этому элементу одежды на изображении обеспечивает ее конструкция, состоящая из донышка, выполненного из красного сукна (*черног. tereluk*), и околыша, обтянутого черным шелком (*черног. deravija*). Подобного типа головные уборы в XIX в. в тех или иных вариантах встречались у славян вдоль всего Динарского нагорья, однако именно в Черногории, с началом складывания национального государства, плоская поверхность «капы» стала использоваться в качестве носителя знаково-символьной информации, отражающей определенные политические тенденции. Актуальная символика вышивалась золотной нитью по верху донышка, что и обеспечивало ее локальное своеобразие. Чуть позднее манера украшения шапки различной символикой распространилась в ряде мест Боснии и Херцеговины, однако их облик не был идентичным черногорскому стилю¹².

С именами владыки Петра II Петровича Негоша и его преемника князя Данилы I (1852–1860) связывают и феномен осмысления «черногорской шапки» через косовский миф. Под понятием «косовский миф» принято подразумевать национально-консолидирующую идею у народов Балканского полуострова, сформировавшуюся в XIX в. в связи с их противостоянием Османской империи и процессом становления национальных

⁹ *Malbaša P.* Periferik. Cetinje, 2006. С. 50.

¹⁰ *Čosović M.* Kako su četiri ocila importovana u Crnu Goru 1918. godine (опубл. 29.02.2016) // URL: <http://portalanalitika.me/clanak/220605/kako-su-cetiri-ocila-importovana-u-crnu-goru-1918-godine> (дата посещения — 31.08.2018); *Radojević D.* Ukrasi na crnogorskoj kapi // URL: http://www.montenegro.org.au/ukrasi_na_crnogorskoj_kapi.html (дата посещения — 31.08.2018); и др.

¹¹ *Vujačić V.* Veze Crnogoraca i Hrvata u doba Svetog Petra i Njegoša // *Matica*. 2013. Br. 54. S. 279.

¹² *Влаховић М.* О најстаријој капи код Југословена... С. 151.

государств¹³. В основу этой идеи легли фольклоризированные представления о битве на Косовом поле в 1389 г., в результате которой Сербская держава утратила государственный суверенитет. В свете этих представлений новые политические и династические лидеры XIX в. считали своей миссией восстановление сербской государственности и могущества, а косовская легенда служила легитимизирующим фактором, обеспечивающим им исторический континуитет и преемственность¹⁴. В современной отечественной историографии подобные явления описываются метафорической формулой «мобилизованное Средневековье»¹⁵. В данном случае феномен мифологизации «черногорской шапки» вполне соотносится с этим определением.

В соответствии с косовским мифом и народными представлениями, «черногорская шапка» содержит в себе целый комплекс смыслов, трактуемых с той или иной долей вариативности. Черный цвет шелка, обтягивающего околыш, объясняется как знак скорби по случаю поражения на Косовом поле и траура по героям. Красное сукно доньшка шапки означает кровь, пролитую в этой битве. Пять полукружий, вышитые золотной нитью по верху доньшка и пересекающие его, символизируют саму Черногорию, над которой турки так и не смогли окончательно утвердить свою власть¹⁶. По другой версии, дуги символизируют солнечные лучи. Память о каждом столетии, прошедшем со дня Косовской битвы, отмечалась появлением на шапке еще одного луча, вследствие чего к концу XIX в. их количество достигло пяти¹⁷.

Сведения о том, какая символика изображалась на «черногорских шапках» в конце XVIII – в начале XIX в. довольно скудны. В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук хранится «черногорская шапка», привезенная в Россию из Черногории подполковником Я. Н. Озерецковским в 1838 г.¹⁸ На доньшке этого убора имеется декор из витого золотного шнура, огибающего поверхность по краю, затем пересекающего ее в форме дуги и свивающегося под ней в форме спиралевидной окружности. Этот мотив, по всей видимости, и был прототипом более поздних версий декора «черногорских шапок», а его происхождение предположительно связано с солярной символикой.

В публикациях встречаются сведения о том, что на шапках, которые носила стража Петра II Петровича Негоша (*черног.* *perjanici*), золотными нитями вышивались первые буквы нахий, из которых они происходили, а в период правления князя Даниила I и позднее некоторые черногорцы носили шапки с вышитыми на них собственными инициалами¹⁹.

¹³ *Malcolm N. Kosovo: A Short History.* New York, 1999. P. 79.

¹⁴ *Greenawalt A. Kosovo Myths: Karadžić, Njegoš, and the Transformation of Serb Memory // Spaces of identity.* 2001. Vol. 3. P. 60.

¹⁵ *Колосков Е. А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2016. № 2. С. 152.

¹⁶ *Ненадовић Л. О црногорцима. Писма са Цетиња.* Нови Сад, 1889. С. 31; *Братић Т. Народна ношња у Херцеговини // Гласник Земалског музеја.* 1906. Књ. 8. С. 236.

¹⁷ *Bruka: Pogledajte naslovne strane novina u Srbiji na Vidovdan! // Pravda (опубл. 28.06.2016).* URL: <http://www.pravda.rs/lat/2016/6/28/bruka-pogledajte-naslovne-strane-novina-u-srbiji-na-vidovdan-foto/> (дата посещения — 31.08.2018).

¹⁸ Шапка «капа», «завратка» // URL: http://www.kunstkamera.ru/index/exposition/exhibitions1/virtualnye_vystavki/chernogor/01/05/ (дата посещения — 31.08.2018).

¹⁹ *Blagojević A. Priča o crnogorskim kapama (опубл. 07.10.2016) // URL: http://mondo.rs/a945627/Info/Ex-Yu/Crnogorska-narodna-nosnja.html* (дата посещения — 31.08.2018).

Во многих описаниях «черногорских шапок» первой половины XIX в. упоминания о золотной вышивке отсутствуют, что наталкивает на мысль о том, что далеко не все шапки в тот период были ею украшены²⁰. Из-за недостаточности сведений в источниках не представляется возможным установить, какие мотивы вышивки тогда доминировали. Еще более туманным является вопрос о том, насколько головной убор такого типа был распространен в регионах, поскольку письменные и материальные свидетельства о «черногорской шапке» XIX в. и ранее, главным образом, отражают тенденции, связанные со столичным и приморским регионами. Очевидно также и то, что шапки изготавливали профессиональные портные, поскольку вышивание золотными нитями или шнуром требовало определенного мастерства. Музейные памятники и этнографические данные свидетельствуют о том, что на повседневном уровне в народной среде в конце XIX – начале XX в. в локальных традициях бытовали головные уборы и других типов. Среди них, в частности, были войлочные валяные шапки домашнего изготовления — «валяче», «пустеняче», вязаные шапки «челепош», «лемезача», шитые из белого сукна — «бела», из красного сукна — «шишак», «завратка», красные фескообразные «кариклии» и др.²¹ Форма этих головных уборов могла быть разной — некоторые из них имели ровное доньшко, некоторые были вытянутые или округлые²². В источниках, в частности, указывается, что «раньше черногорцы носили кожаные шапки, похожие на колпак, а теперь носят маленькие плоские шапочки из тонкого красного сукна, обшитого черным шелком. Зажиточные позволяют расшить верх золотной нитью, но лишь с одного края»²³. Часто поверх шапок наматывалась чалма, скрывавшая их под собой, что не позволяло внешнему наблюдателю зафиксировать изображенные на них мотивы. Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. «черногорская шапка» еще не являлась широко распространенным головным убором населения Черногории и не имела устойчивых канонов декоративного оформления. Символика, украшавшая «черногорскую шапку» в этот период, выступала, вероятнее всего, в качестве маркера принадлежности хозяину и выполняла идентифицирующую функцию.

Вариативность декора поверхности шапки и процесс обретения им устойчивой и общепонятной символики можно проследить и на примере нескольких образцов второй половины XIX – XX в., хранящихся в собрании Российского этнографического музея. Самыми ранними из них являются две «капы», присланные в 1867 г. на Первую этнографическую выставку в Москву. Эта выставка стала уникальным шансом для балканских славян заявить на международном уровне о своей самобытности, поэтому о предоставлении экспонатов позаботились самые высокопоставленные официальные лица. Одна из шапок была прислана в составе костюма жителей Боки Которской, называемых бокезами или бокельями²⁴. Костюм был подарен сербским архимандритом Никифором Дучичем и был призван отразить локальную специфику культуры славянского

²⁰ *Ebel V.* Dvanaest dana u Crnoj Gori. Podgorica, 2006. S. 51; *Vendel H.* Crnogorci. Zapisi. Knj. XIX. Sv. 1. Cetinje, 1938. S. 26; *Караџић В. С.* Црна Гора и Црногорци. Штутгарт, 1837 // URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Црна_Гора_и_Црногорци (дата посещения — 31.08.2018).

²¹ *Влаховић М.* О најстаријој капи код Југословена... С. 145, 147, 148, 150.

²² *Виала де Сомијер Л. К.* Историјско и политичко путовање у Црну Гору. Цетиње, 1995. С. 32, 34, 53.

²³ *Медаковић М.* Живот и обичаје црногораца. Нови Сад, 1860. С. 174.

²⁴ РЭМ. Колл. № 8762-32239.

Приморья. Бокельский костюм обладал локальными особенностями, выраженными в своеобразии цветовой гаммы, декора и фасона. Вместе с тем, исследователи пред-

Рис. 1. Шапка бокельских моряков, компонент костюма, присланного сербским архимандритом Никифором Дучичем в 1867 г. на Первую всероссийскую этнографическую выставку в Москве. Середина XIX в. Бокезы. Бока Которская, Австрия. (РЭМ. Колл. № 8762-32239)

моряков известны еще со средневекового периода²⁷. В собрании РЭМ имеется еще два черногорских головных убора, поверхность которых сделана из бордового бархата, а мотивы золотой вышивки выполнены в «восточном» стиле. Один из них является женским, другой — юношеским, оба предмета относятся к началу XX в. По вопросу о материалах, использовавшихся для изготовления «черногорской шапки», важным представляется свидетельство этнографа Д. А. Клеменца в отношении похожего головного убора с территории Австро-Венгрии, приобретенного музеем у художника Л. Е. Дмитриева Кавказского в 1905 г. в составе сербского костюмного комплекса. Регистрируя костюм, этнограф отметил, что несмотря на схожесть с «черногорской шапкой», данный убор ею не является, поскольку «черногорские шапки» делаются не из бархата, а исключительно из красного сукна²⁸.

полагают, что именно бокельский костюм стал прототипом «черногорского», в том числе и в отношении головного убора²⁵. Особенностью присланной на выставку в составе костюма бокельской шапки было то, что ее доньшко было изготовлено не из сукна, а из бордового бархата, окружность которого была существенно меньше, чем у «черногорской шапки». Бархатное поле поверхности бокельской шапки обрамлено тремя рядами золотого шнура и украшено узором, известным в отечественной литературе как «огурец» или «бут», а в балканской как «бадем», то есть «миндаль»²⁶. Данный мотив имеет древнеазиатское происхождение, и его бытование в культуре бокельцев связано, скорее всего, с османским влиянием, поскольку такие головные уборы в культуре бокельских

²⁵ *Ердељановић Ј.* Стара Црна Гора. Београд, 1978. С. 15.

²⁶ *Кулиева И.* Женские головные уборы как атрибут азербайджанского национального костюма // *Irs/Наследие/Heritage.* № 4 (82). 2016. С. 44–48.

²⁷ *Влаховић М.* О најстаријој капи код Југословена... С. 151.

²⁸ РЭМ. Колл. № 739-1.

Вторая черногорская шапка, присланная на выставку 1867 г. в составе костюмного комплекса, была подарена князем Черногории Николой I Петровичем (1860–1918)²⁹. Комплекс представлял собой «черногорский костюм» унифицированного образца без указания места бытования³⁰. Поверхность шапки украшали вышитые золотой нитью пятиконечная лепестковидная звезда и пять полукружий над ней. Сведения о дарителе наводят на мысль о том, что костюм был изготовлен на Цетинье, где в то время располагался княжеский двор. Представители Петровичей-Негошей, судя по многочисленным фотографиям и свидетельствам современников, использовали «черногорский костюм» в качестве парадной одежды со второй трети XIX в., задавая тон и остальной знати. Известно, что в 1867 г. в шапке со «звездой» был захоронен отец князя Николы — воевода Мирко Петрович (1820–1867)³¹. Еще одна шапка с идентичным мотивом поступила в собрание РЭМ из Гатчинского дворца в 1922 г. и предположительно была подарена семье Романовых представителями черногорской династии³². Ряд других письменных свидетельств о подобных предметах также связан с княжеским двором³³. Встречаются сведения о том, что мотив «звезды» был распространен и на шапках бокельцев и герцеговинцев³⁴. Это свидетельствует о единстве культурных тенденций цетиньско-приморского ареала и его ключевой роли в их последующем распространении на отдаленные области страны и даже за ее пределы.

В источниках второй половины XIX в. сообщается, что звезда, вышитая на шапке, могла быть и шестиконечной. В частности, на фотографическом портрете принца Данилы

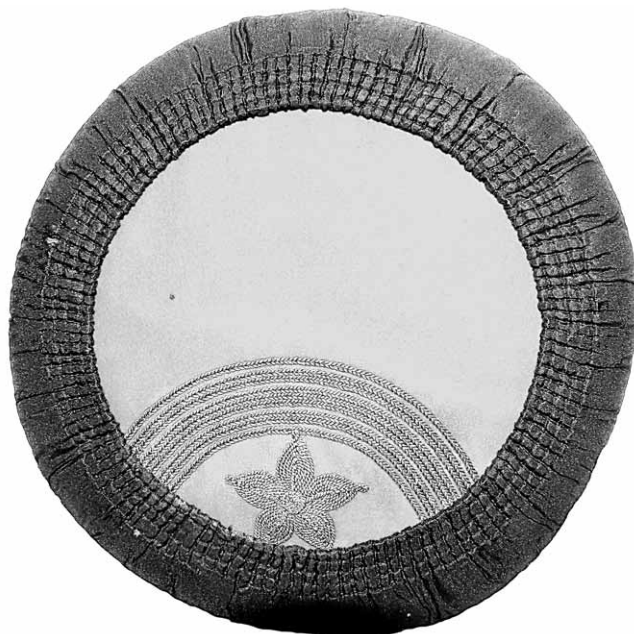

Рис. 2. «Черногорская шапка» с мотивом «звезда», компонент костюма семилетнего мальчика. Конец XIX – начало XX в. Черногорцы. г. Цетинье, Княжество Черногория. Поступила в РЭМ в 1923 г. из Гатчинского дворца-музея. (РЭМ. Колл. № 4058-15)

²⁹ РЭМ. Колл. № 8762-32237.

³⁰ Указатель русской этнографической выставки, устроенной Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском Университете. М., 1867. С. 82.

³¹ *Ivanović B.* Antropološki lik velikog vojvode Mirka Petrovića // *Međunarodno priznanje Crne Gore*. Nikšić, 1999. S. 314.

³² РЭМ. Колл. № 4058-15; АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 97. Л. 5.

³³ *Raš G.* Crna Gora u pričama. Podgorica, 2001. S. 16; *Morgan K.* Crna Gora. Podgorica, 2004. S. 23.

³⁴ *Vlahovič M.* O najstarijoj kapi kod Jugoslavena... С. 151.

Петровича (1871–1939), сделанном в 1882 г., на поверхности черногорской шапки, которую он держит в руке, отчетливо различима шестиконечная звезда под пятью полукружиями. У специалистов нет однозначного мнения относительно появления этого символа на черногорской шапке, как и его принципиального отличия от звезды пятиконечной. Этот символ в XIX в. встречался и на других предметах традиционной культуры — на колыбельках, прялках, сундуках, музыкальных инструментах, храмовых фасадах, причем не только в Черногории, но и в других областях Европы. Чаще всего символ трактуется как солярный³⁵. Также встречаются версии о том, что он пришел из Византии или был принесен в период переселения испанских евреев сефардов в XIV–XVI в.³⁶ Толкование символического значения шапки со звездой сводится к тому, что «основа из красного сукна означает кровь турок, пролитие которой ведет к свободе, звезда означает Черногорию, а полукружия — надежду на ее скорое освобождение»³⁷.

Символом черногорской свободы также служило вышитое на шапках золотой нитью изображение двуглавого орла. Характерной особенностью этого мотива было расположение рисунка по центру поверхности шапки, без пяти полукружий. Самые ранние свидетельства об этом мотиве на «черногорской шапке» относятся к 1876 г., что позволяет связать его с решающим этапом борьбы за освобождение и независимость³⁸.

Символ двуглавого орла был заимствован с герба средневековой черногорской династии Черноевичей для обозначения исторической преемственности государственной традиции черногорцев. На некоторых образцах помимо орла также изображалась эмблема с монограммой «Н I», отсылающая к заслуге князя Николы I Петровича в деле международного признания независимости Черногории. Однако более широкую популярность

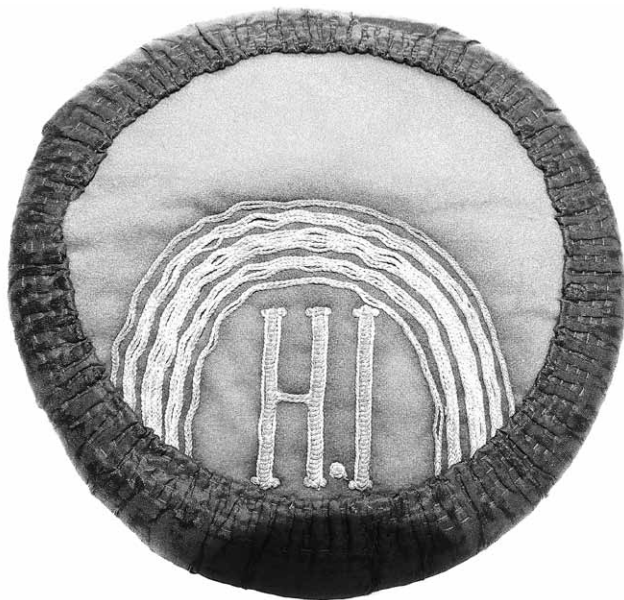

Рис. 3. «Черногорская шапка», компонент костюма принца Мирко Петровича-Негоша Великого воеводы Грахово и Зеты (1879–1918). Начало XX в. Морачская нахия, Княжество Черногория. Передана в музей в 1915 г. Лазарем Стефановичем Нестеровичем. (РЭМ. Колл. № 3246-1)

³⁵ Jovičević A. Crna Gora. (Katunska, Riječka, Crmnička, Lešanska i Bjelopavlićska nahija.) Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1903. Knj. 8. Sv. 1. С. 54.

³⁶ Standard objašnjava: Otkud jevrejski simbol na crnogorskoj kapi Danila Petrovića? // URL: <http://standard.co.me/index.php/drustvo/item/10908-standard-objasnjava-otkud-jevrejski-simbol-na-crnogorskoj-kapi-danila-petrovica> (дата посещения — 31.08.2018).

³⁷ См., например: Gopčević S. Crna Gora i Crnogorci. Podgorica, 2008. S. 109.

³⁸ См. об этом: Holeček J. Crna Gora. Podgorica, 1995. S. 34.

шапки с двуглавым орлом получили спустя почти 130 лет, когда после распада «третьей» Югославии он вновь стал символом государственной самостоятельности Черногории.

Эмблема с монограммой «Н I» или «Н I Ж» во времена Николы I Петровича, занимавшего престол чуть дольше полувека, получила довольно широкое распространение на поверхности мужских головных уборов³⁹. Эти символы помещались под пятью полукружиями и означали соответственно «Никола I» и «Никола I Живιο» (Да здравствует Никола II!). В собрании РЭМ имеется пять головных уборов с монограммой «Н I»⁴⁰. Все они поступили в музей в начале XX в. Один из них является компонентом костюма принца Мирко (1879–1918), второго сына Николы I Петровича⁴¹. Судьба принца сложилась драматично. В 1889 г. две его сестры вышли замуж за членов Российского императорского дома, вследствие чего отношения между двумя династиями приобрели довольно близкий характер⁴². Воспитателем Мирко был русский полковник Сумароков, а впоследствии и сам принц стал полковником русской армии. Весьма теплые воспоминания о своих встречах и общении с принцем Мирко оставил Великий князь Константин Романов⁴³. Однако в Первую мировую войну принц оказался по другую сторону баррикад. Не имея шансов на наследие престола из-за преимущественного права на него своего старшего брата Данилы, Мирко принял черногорскую корону в 1916 г. из рук австро-германских оккупантов и подписал Акт о капитуляции страны, скомпрометировав тем самым династию Петровичей-Негошей в лице народа и союзников. «Великая скупщина», собравшаяся в Подгорице в 1918 г., объявила династию низложенной, а Черногорию — частью Королевства сербов, хорватов и словенцев под властью сербской короны Карагеоргиевичей. Принц Мирко эмигрировал в Европу, где вскоре скончался. Его костюм в 1915 г. передал музею Л. С. Нестерович.

Происхождение еще трех идентичных экземпляров шапок с монограммой «Н I» также связано с г. Цетинье. В 1909 г. такая же шапка была привезена С. Радовичем в составе костюма из Морачской нахии. Чуть ранее, в 1906 г., из Морачской нахии был привезен головной убор, на котором под пятью полукружиями золотным шнуром была расшита стилизованная монограмма «Н I Ж»⁴⁴. По свидетельству собирателя черногорца М. М. Меденицы (1879–1952), этот мотив символизирует императив «Живιο!» (сербск.), в данном контексте означающий «Да здравствует князь Никола II!». В описании предмета также поясняется, что «черный цвет ободка обозначает траур по падению сербского царства на Косово, красный цвет донышка обозначает кровь, которой были залиты пределы сербского государства; вышитый золотом полукруг обозначает

³⁹ Golicin D. Kraj sinjeg mora. Podgorica, 1999. S. 69; Van Mandere H. Crna Gora. Podgorica, 2002. S. 9; Marž P. Putovanje po Crnoj Gori i Hercegovini. Podgorica, 2000. S. 30; Jovičević A. Riječka nahija u Crnoj Gori. Podgorica, 1999. S. 340.

⁴⁰ РЭМ. Колл. № 1555-10, 3246-1, 4058-8, 8762-32236, 8762-32420.

⁴¹ РЭМ. Колл. № 3246-1.

⁴² Подробнее см.: Кузьмичева Л. В. Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей дома Романовых в конце XIX – начале XX в. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009. С. 190; Струнина Н. Г. Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011. С. 174–238.

⁴³ К. Р. (Романов К. К.) Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 266–267.

⁴⁴ РЭМ. Колл. № 1017-1.

Черногорию, которая только одна из сербских земель отстояла свою независимость от турок»⁴⁵. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в Черногории утвердилось единообразие фасона мужских головных уборов, в то время как мотивы их декора могли варьироваться. По свидетельству современников, мотив «звезды» и монограммы,

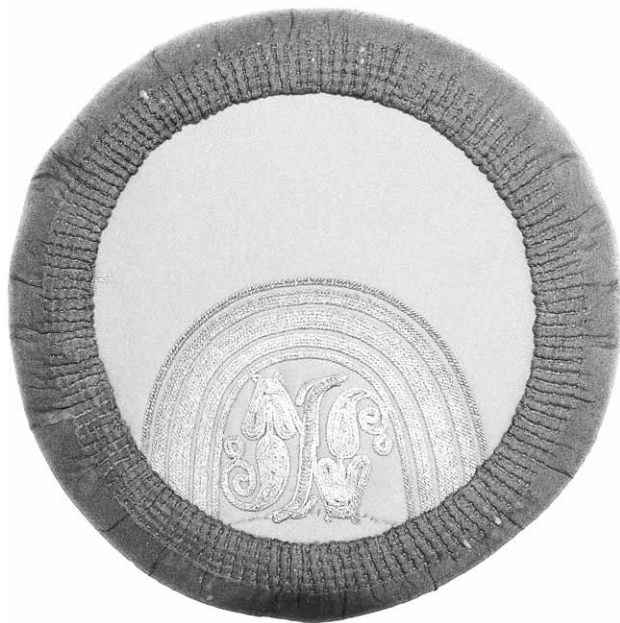

Рис. 4. «Черногорская шапка». Начало XX в. Морачская нахия, Княжество Черногория. Привезена Мирко Меденицей в 1906 г. Вышитая буква «Ж», символизирует призыв «Живео!» (в значении «Да здравствует князь!»). (РЭМ. Колл. № 1017-1)

что в 1895 г. для курсантов сержантского училища в Подгорице были централизовано пошиты шапки с монограммой «Н Ю». Приветствие представителей командного состава происходило путем снятия шапки и махания ею над головой⁴⁸. Таким образом, «черногорская шапка» являлась не только предметом одежды и этническим маркером, но и выступала в качестве символа воинской чести и преданности отечеству и правящей династии.

Бурные общественные дискуссии в последнее время затронули символ креста с четырьмя огнивами, также вышивавшийся на «черногорских шапках». Несмотря на то, что сам знак имеет византийское происхождение, а графические элементы, трактуемые в народе

обращенные к фигуре Николы I, бытовали параллельно на всей территории страны⁴⁶.

Распространение на шапках символики, адресованной князю, связано с тем, что все мужское население Черногории этого периода было военнообязанным, а князь выступал в роли главнокомандующего⁴⁷. Единой униформы до 1910 г. официально не существовало, поэтому гражданская парадная одежда выступала в качестве военной формы и наоборот. Таким образом, «черногорская шапка» служила символом принадлежности к княжеской армии. После признания статуса Черногории Берлинским конгрессом в 1878 г. в стране были приняты меры по совершенствованию строевой подготовки, учреждены военные училища и выработаны требования к внешнему виду военных. Известно, в частности,

⁴⁵ Колл. опись РЭМ. № 1017-1.

⁴⁶ *Rovinski P. Etnografija Crne Gore. T. 1. Podgorica, 1998. S. 347; Hasert K. Crna Gora. Podgorica; Cetinje, 1995. С. 40.*

⁴⁷ Народы Зарубежной Европы. С. 381.

⁴⁸ Подробнее см.: *Jović T., Jovičević M. Crnogorska vojska: organizacija i uniforme: 1830. do 1914. Cetinje, 2006. S. 78–80.*

как четыре буквы «С» кириллического алфавита, изображают геральдически стилизованные изображения кресал, в XIX в. он стал символом сербского освобождения и объединения. Его народное толкование — «Само Слога Србина Спашава» (*сербск.*), переводимое как «Только единство спасет сербов», стало культурной аксиомой южных славян на волне интеграционных и центростремительных тенденций второй половины XIX – начала XX в. Появление этого знака на «черногорских шапках» было связано с распространением идеи сербско-черногорского государственного объединения⁴⁹.

Рис. 5. «Черногорская шапка» с мотивом «крест и четыре огнива». Первая половина XX в. Черногорцы. Верхняя Морача. Королевство Югославия. (Семейная реликвия Слободана Триповича, 1972 г.р., г. Белград)

Изображение креста с четырьмя огнивами под пятью полукругиями на поверхности шапки трактовалось как новое солнце, восходящее над сербством, следующем косовскому завету: «Кресту служишь, а Милошем живешь»⁵⁰.

В современных черногорских исследованиях утверждается, что данный символ на черногорских головных уборах не встречался до момента создания первой Югославии⁵¹. В средствах массовой информации также распространяется версия о том, что этот символ был навязан черногорцам насильно и что он является атрибутом сербской «аннексии» в 1918 г.⁵² Основанием к подобным утверждениям служит отсутствие в источниках свидетельств о более раннем бытовании шапок с таким изображением, а также упоминание в газете «Подгоричка Зета» в 1939 г. о существовании в

первые годы после вхождения Черногории в состав Сербии (1918 г.) запрета на ношение «черногорской шапки» с другими мотивами⁵³. Эти обрывочные сведения не дают целостного понимания картины и требуют проведения специального исторического исследования по данному вопросу. Вместе с тем, обращение к собраниям различных

⁴⁹ См.: *Blagojević A. Priča o crnogorskim kapama* (опубл. 07.10.2016) // URL: <http://mondo.rs/a945627/Info/Ex-Yu/Crnogorska-narodna-nosnja.html> (дата посещения — 31.08.2018).

⁵⁰ Црногорска kapa — жал за изгубљеним Косовом! (опубл. 28.06.2017) // URL: <http://www.sedmica.me/crnogorska-kapa-zal-za-ko2sovom/> (дата посещения — 31.08.2018).

⁵¹ *Mrvaljević Z. Crnogorska narodna nošnja*. Podgorica, 2006. S. 145.

⁵² *Adžić N. U vučjim čeljustima zbog Crne Gore* (опубл. 02.09.2013) // URL: <http://portalanalitika.me/clanak/113755/u-vucjim-celjustima-zbog-crne-gore> (дата посещения — 01.07.2018).

⁵³ *Rotković R. Crna Gora i Dušanovo carstvo*. Cetinje, 1997 // URL: <http://portalanalitika.me/clanak/228664/kako-je-na-vranjini-1919-godine-zabranjena-crnogorska-kapa> (дата посещения — 31.08.2018).

музеев дает основания полагать, что символика креста с четырьмя огнивами действительно получила широкое распространение на черногорских шапках в период между двумя мировыми войнами, как знак двойной идентичности черногорцев: этнолокальной — черногорской и общеэтнической — сербской.

В коллекции Российского этнографического музея имеется одна черногорская шапка, на которой мотив креста с четырьмя огнивами вышит на поверхности головного убора вместе с другими элементами герба Княжества Сербии (1835–1882)⁵⁴. Этот головной убор поступил в музей от Славянского комитета СССР в 1947 г. в составе черногорского костюма с указанием страны происхождения — Югославия. Более детальных сведений о нем не имеется. Однако, принимая во внимание то, что на шапке изображена монархическая символика, утратившая свою актуальность в связи с образованием в 1945 г. Социалистической Федеративной Республики Югославии, костюм, по всей видимости, был сшит в межвоенный период.

Обстоятельства попадания данного костюма в музей отразили в себе целый этап истории репрезентации славянского этнокультурного наследия. Востребованность этой репрезентации средствами музейного метаязыка была связана с уроками Второй мировой войны, которые привели руководство СССР к пониманию необходимости укрепления военно-политического и экономического союза со славянскими странами⁵⁵. Особое место в проекте укрепления этих связей уделялось Югославии, рассматривавшейся в качестве центра политической интеграции славянских стран. Планы по взаимодействию в этом вопросе обсуждались на VI Всеславянском конгрессе в Белграде в 1946 г., следствием которого стало развертывание в славянских странах агитационной программы, направленной на идеологическое обоснование создаваемого блока⁵⁶.

Рис. 6. «Черногорская шапка» с элементами герба Княжества Сербии (1835–1882), компонент костюма. Первая половина XX в. Королевство Югославия. Передана в дар от Славянского комитета СССР в 1947 г. Черногорцы, Югославия. (РЭМ. Колл. № 6521-1)

⁵⁴ Эти же элементы обнаруживаются на фамильном гербе династии Обреновичей (РЭМ. Колл. № 6521-1).

⁵⁵ Об этом см.: *Досталь М. Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах*. 2000. С. 175–188.

⁵⁶ *Досталь М. Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994. С. 139.

На этой волне Государственным музеем этнографии (ГМЭ, ныне — РЭМ) были организованы выездные выставки «Образцы народного искусства славян» (1945 г.), «Одежда и народное искусство славян» (1946 г.), а в стенах самого музея после ремонтно-восстановительных работ готовилась первая крупная послевоенная выставка «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» (1948 г.)⁵⁷. Выставка была приурочена к выездной сессии Первого общеславянского конгресса ученых-славистов, который из-за обострения советско-югославских противоречий в 1948 г. так и не состоялся⁵⁸.

На выставке были представлены памятники этнографии восточных, западных и южных славян XIX – начала XX в., в том числе и черногорский костюм с головным убором с символикой Княжества Сербии. Костюм, по всей видимости, был передан музеем югославскими товарищами через А. А. Вознесенского, курировавшего подготовку конгресса⁵⁹. Костюм репрезентировал черногорцев как одну из народностей Югославии, а символика его головного убора отражала идею сербо-черногорского единства в контексте доминирования сербской идентичности. Отсылка не к черногорской государственной традиции XIX в., а к сербской объясняется тем, что именно Сербия выступила в роли центра объединения южных славян в рамках единого государства и приняла Черногорию под свою корону в 1918 г. Спустя три года, в 1951 г., черногорский костюм был снят с экспозиции и заменен предметами из словацкой коллекции⁶⁰. Наиболее вероятной причиной реэкспонирования видится монархический символ, вышитый на шапке, противоречивший задачам репрезентации и наводивший публику на неактуальные политическому моменту размышления. Возможно, изменившееся в целом к Югославии отношение также повлияло на изменение выставочной концепции.

С образованием СФРЮ в Черногории ускорились темпы индустриализации, повлекшей за собой и изменения в традиционной культуре⁶¹. В частности, традиционный костюм стал выходить из бытования, однако «черногорская шапка» еще долго оставалась элементом повседневной одежды. К сожалению, коллекция черногорских головных уборов Российского этнографического музея не раскрывает всего идейно-художественного разнообразия этого типа памятника. В частности, тенденции второй половины XX в. практически не отражены в музейном собрании. Между тем, информанты утверждают, что во второй половине XX в. распространение получил мотив остроугольной пятиконечной звезды, символизировавшей солидарность с партизанским прошлым и политическим настоящим. Такие шапки бытовали до конца 1980-х гг. как предмет повседневной одежды⁶². Также в обиходе продолжали использоваться и шапки

⁵⁷ Баранов Д. А. Музей и репрезентации этнографической реальности // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 384–396.

⁵⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1004. Л. 11; Досталь М. Ю. Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых-славистов // Славянский вопрос. М., 1997. С. 182–203.

⁵⁹ Беляева В. И. Деятельность А. А. Вознесенского во Всеславянском комитете и Славянском комитете СССР // Советское славяноведение. 1973. № 3. С. 92–93.

⁶⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1004. Л. 66.

⁶¹ Народы зарубежной Европы. С. 480.

⁶² В частности, информант Божидар Меденица 1980 г. р. утверждает, что в его родном селе Осреци в Колашинском крае житель Зария Милошевич носил «капу» с пятиконечной остроугольной звездой до самой своей смерти в 1988 г. (из беседы с автором 2018 г.).

с лепестковидными пятиконечными звездами, известные по XIX в. Такую шапку в 1985 г. по случаю посещения выставки «Народное искусство Черногории» Государственному музею этнографии подарил министр этой республики М. Шлюкич⁶³. В описании предмета зафиксировано, что красный цвет поверхности шапки означает «кровь, которой была залита Сербия, а дуги из позумента символизируют Черногорию, отстаившую свою независимость от турок». Таким образом, легенда о памятнике не только запечатлела двойную этнонациональную идентичность черногорцев, но и процитировала ее на дипломатическом уровне. В описании предмета также указывалось, что он является атрибутом современности, и что такие шапки черногорцы до сих пор надевают по праздничным дням и носят вместе с костюмом. Это дает основания полагать, что в 1980-е гг. «черногорская шапка» еще сохраняла свое предназначение как предмет одежды.

Вместе с тем, целостный анализ коллекции «черногорских шапок» Российского этнографического музея указывает на то, что их назначение было не только представить публике образцы традиционной одежды и народного искусства, но и выразить нераздельную связь народной культуры с национальной идеей. В этом смысле «черногорская шапка» представляет собой интерес не только как памятник доиндустриальной эпохи, но и как атрибут современности. Наиболее часто встречающимся символом на поверхности шапки (после референдума об отделении Черногории от Сербии в 2006 г.) стал двуглавый орел с государственного герба независимой Черногории⁶⁴. Расходы на изготовление «черногорских шапок» для представительских нужд ежегодно закладываются в государственный бюджет⁶⁵. Таким образом, в XXI в. репрезентативная функция этого атрибута этнокультурного наследия стала ведущей.

Утрата утилитарной функции «черногорской шапки», как предмета одежды и атрибута повседневности, отразилась и на ее физических характеристиках. Современные мастерские по пошиву традиционного костюма ориентируются, главным образом, на нужды фольклорных коллективов и сувенирных лавок. Следствием бутафоризации головного убора становится запрос на недорогой и нетрудоемкий продукт, главным достоинством которого была бы его визуальная узнаваемость. Это влечет за собой упрощение техник изготовления, снижение требований к качеству материалов⁶⁶. Более того, в новых глобальных экономических условиях производство шапок становится более выгодным не в самой Черногории, а на заказ у азиатских производителей. Таким образом, то, что ранее представляло собой предмет гордости черногорских ремесленников, передававших свое мастерство и понимание традиции от поколения к поколению, ныне становится предметом массового фабричного производства. Под влиянием потреби-

⁶³ РЭМ. Колл. № 10695-1.

⁶⁴ *Kadić V.* Crna Gora: Srpski barjak samo na svadbama (опубл. 06.11.2017) // URL: <http://www.novosti.rs/vesti/planeta.300.html:694322-Crna-Gora-Srpski-barjak-samo-na-svadbama> (дата посещения — 31.08.2018).

⁶⁵ *Milošević M.* Pokloni za diplomate: Malo kineski, malo crnogorski vez (опубл. 25.02.2013) // URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/pokloni-za-diplomate-malo-kineski-malo-crnogorski-vez-115426> (дата посещения — 31.08.2018).

⁶⁶ *Milošević M.* Za protokolarne poklone naručene jeftine kopije crnogorske kape (опубл. 15.03.2013) // URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/za-protokolarne-poklone-narucene-jeftine-kopije-crnogorske-kape-118061> (дата посещения — 31.08.2018).

тельского спроса утрачивается и семантическое единообразие «черногорской шапки». Так, в продаже встречаются головные уборы, украшенные исламской символикой или «звездой Давида», для туристов и коллекционеров выпускаются шапки с необычными или шуточными изображениями. Во многих из предлагаемых вариантов, включая наиболее актуальный — с мотивом двуглавого орла — отсутствует такой компонент декора, как пять полукружий. Эти признаки косвенно свидетельствуют об угасании значимости косовского мифа, как аксиоматического фундамента сербства в сознании черногорцев, в то время как в черногорских СМИ встречается и прямое отрицание причастности предков черногорцев к Косовской битве⁶⁷. Иными словами, этномаркирующие предметы, к каковым относится и «черногорская шапка», оказываются весьма чувствительными к современным геополитическим тенденциям и демонстрируют способность реагировать на трансформации, происходящие в этническом сознании.

Таким образом, наблюдение за двухвековым бытованием феномена «черногорской шапки» позволяет уловить динамику изменений, касающихся не только его самого, но и этнического самосознания в целом. Ставшая символом черногорской государственности в первой половине XIX в., «черногорская шапка» продолжает им оставаться и в XXI в. Устойчивости этой семантики способствовала нестабильность политического статуса Черногории. Получив распространение в масштабе страны как неотъемлемый атрибут парадного мужского костюма и униформы, шапка постепенно превратилась в инструмент невербального высказывания. Ее важнейшей функцией стала представительская, о чем свидетельствуют многочисленные образцы, поступившие в Российский этнографический музей в статусе дипломатического подарка. Именно потребность в декларации политического статуса этнического сообщества и стала причиной многократной смены символики на поверхности «черногорской шапки», соединив в этом предмете одежды как элементы этнического, так и политического сознания. Благодаря этому сочетанию, «черногорская шапка» стала носителем исторической памяти — важного компонента этнической идентичности и культурной коллективности. Иными словами, за два столетия она превратилась в уникальный культурный феномен, позволяющий проследить исторические процессы и этнонациональную рефлексию на них.

Интерпретация этнографических музейных памятников в свете культурно-исторической динамики в рамках комплексного подхода на примере «черногорской шапки» наглядно демонстрирует глубину информационного потенциала, скрываемого за молчанием музейных экспонатов. Прочтение памятников как «документов эпохи» позволяет увидеть объем и многомерность, обретаемые исторической картиной, поиски которой приводят посетителей в музей. Следовательно, стремление к пониманию артефактов не только как элементов антуража прошлого, но и как сгустков исторического бытия, доступного мысленному осязанию, открывает новые возможности как для репрезентации культурного наследия, так и для его когнитивного восприятия.

Информация о статье

Автор: Михайлова, Алена Алексеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, alena-muzej@yandex.ru

⁶⁷ *Ćosović M.* Bajke o crnogorskom učešću (опубл. 26.06.2013) // URL: <https://portalanalitika.me/clanak/105978/bajke-o-crnogorskom-ucescu> (дата посещения — 31.08.2018).

Заголовок: «Черногорская шапка» как визуальная летопись: к проблеме отражения истории в этнографических памятниках (на материалах РЭМ)

Резюме: В статье поднимается проблема мемориализации истории в объективированных формах культуры. Особое внимание уделяется изучению отражения политических и этнокультурных трансформаций в этнографических музейных памятниках. В фокус исследования помещено несколько образцов мужских головных уборов середины XIX – конца XX в. из собрания Российского этнографического музея, ассоциируемых с традиционной культурой черногорцев. Рассматриваемые в комплексе с письменными и иллюстративными источниками, а также подобными памятниками из собраний других музеев, предметы демонстрируют свою важную роль в репрезентации черногорской национальной идентичности. «Черногорская шапка», как атрибут национального костюма, получила распространение в повседневной жизни населения Черногории в период становления ее государственности. Она предстает как динамический культурный феномен, на протяжении двух столетий демонстрирующий свою семантическую и функциональную подвижность, связанную с потребностью отражения в объектном мире духовно-политических переживаний этнического сообщества. Источниковедческий взгляд на музейные артефакты открывает широкие возможности для их интерпретации, а теоретическая реконструкция среды их бытования способствует многомерному видению исторической картины. Наблюдение за метаморфозами декора «черногорской шапки» и его символики в Новейший период позволяет анализировать этнонациональные и межэтнические процессы, происходящие на постъюгославском пространстве. В целом исследование показывает, каким образом музейные памятники могут выступать инструментами фиксации и трансляции истории в коллективной памяти этнических сообществ.

Ключевые слова: источниковедение, наследие, музей, идентичность, черногорская шапка, репрезентация, этничность

Литература, использованная в статье:

- Adžić, Novak.* U vučjim čeljustima zbog Crne Gore (опубл. 02.09.2013) // URL: <http://portalanalitika.me/clanak/113755/u-vucjim-celjustima-zbog-crne-gore> (дата посещения — 01.07.2018).
- Blagojević, Aleksandra.* Priča o crnogorskim kapama (опубл. 07.10.2016) // URL: <http://mondo.rs/a945627/Info/Ex-Yu/Crnogorska-narodna-nosnja.html> (дата посещения — 31.08.2018).
- Ćosović, Miroslav.* Bajke o crnogorskom učešću (опубл. 26.06.2013) // URL: <https://portalanalitika.me/clanak/105978/bajke-o-crnogorskom-ucescu> (дата посещения — 31.08.2018).
- Ćosović, Miroslav.* Kako su četiri očila importovana u Crnu Goru 1918. godine (опубл. 29.02.2016) // URL: <http://portalanalitika.me/clanak/220605/kako-su-četiri-očila-importovana-u-crnu-goru-1918-godine> (дата посещения — 31.08.2018).
- Ebel, Vilhelm.* Dvanaest dana u Crnoj Gori. Podgorica: CID, 2006. 211 s.
- Golicin, Dmitrij.* Kraj sinjega mora: bilješke sa puta po Crnoj Gori i dalmatinskoj obali. Podgorica: CID, 1999. 178 s.
- Gočević, Spiridon.* Crna Gora i Crnogorci. Podgorica: CID, 2008. 241 s.
- Greenawalt, Alexander.* Kosovo Myths: Karadžić, Njegoš, and the Transformation of Serb Memory // *Spaces of identity.* 2001. Vol. 3. P. 49–65.
- Hasert, Kurt.* Crna Gora. Putopisi. T. 1. Podgorica; Cetinje: CID, 1995. 492 s.
- Holeček, Josef.* Crna Gora. Podgorica: CID, 1995. 150 s.
- Ivanović, Božina.* Antropološki lik velikog vojvode Mirka Petrovića // *Međunarodno priznanje Crne Gore.* Nikšić: CANU, 1999. S. 311–324.
- Jović, Tatjana; Jovičević, Milan.* Crnogorska vojska: organizacija i uniforme: 1830. do 1914. Cetinje: Narodni Muzej Crne Gore, 2006. 182 s.
- Jovičević, Andrija.* Crna Gora. (Katunska, Riječka, Crmnička, Lešanska i Bjelopavlička nahija.) Narodni život i običaji // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena.* 1903. Knj. 8. Sv. 1. S. 48–78.
- Jovičević, Andrija.* Riječka nahija u Crnoj Gori. Podgorica: CID, 1999. 470 s.
- Kadić, Veliša.* Crna Gora: Srpski barjak samo na svadbama (опубл. 06.11.2017) // URL: <http://www.novosti.rs/vesti/planeta.300.html:694322-Crna-Gora-Srpski-barjak-samo-na-svadbama> (дата посещения — 31.08.2018).
- Malbaša, Predrag.* Periferik. Cetinje: P. Malbaša, 2006. 156 s.
- Malcolm, Noel.* Kosovo: A Short History. New York: New York University Press, 1999. 492 p.
- Marž, Pjer.* Putovanje po Crnoj Gori i Hercegovini. Podgorica: CID, 2000. 99 s.

- Milošević, Milorad.* Pokloni za diplomate: Malo kineski, malo crnogorski vez (опубл. 25.02.2013) // URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/pokloni-za-diplomate-malo-kineski-malo-crnogorski-vez-115426> (дата посещения — 31.08.2018).
- Milošević, Milorad.* Za protokolarne poklone naručene jeftine kopije crnogorske kape (опубл. 15.03.2013) // URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/pokloni-za-diplomate-malo-kineski-malo-crnogorski-vez-115426> (дата посещения — 31.08.2018).
- Morgan, Kamilo.* Crna Gora. Podgorica: CID, 2004. 133 s.
- Mrvljević, Zorica.* Crnogorska narodna nošnja. Podgorica: Muzeji i galerije, 2006. 205 s.
- Radojević, Danilo.* Ukrasi na crnogorskoj kapi // URL: http://www.montenegro.org.au/ukrasi_na_crnogorskoj_kapi.html (дата посещения — 31.08.2018).
- Raš, Gustav.* Crna Gora u pričama. Podgorica: CID, 2001. 151 s.
- Rotković, Radoslav.* Crna Gora i Dušanovo carstvo. Cetinje: Grafos, 1997. 269 s.
- Rovinski, Pavel Apollonovič.* Etnografija Crne Gore. T. 1. Podgorica: CID, 1998. 520 s.
- Standard objašnjava: Otkud jevrejski simbol na crnogorskoj kapi Danila Petrovića? (опубл. 21.02.2018) // URL: <http://standard.co.me/index.php/drustvo/item/10908-standard-objasnjava-otkud-jevrejski-simbol-na-crnogorskoj-kapi-danila-petrovica> (дата посещения — 31.08.2018).
- Van Mandere, Henri.* Crna Gora. Podgorica: CID, 2002. 181 s.
- Vijačić, Velimir.* Veze Crnogoraca i Hrvata u doba Svetog Petra i Njegoša // *Matica*. 2013. Br. 54. S. 265–356.
- Андреева, Ирина Валерьевна.* Музейный предмет как документ: к истокам документивной концепции музееведения // *Вестник культуры и искусств*. 2017. № 3 (51). С. 7–15.
- Байбурина, Альберт Каишуллович.* Семиотический статус вещей и мифология // *Материальная культура и мифология*. Ленинград: Наука, 1981. С. 215–226.
- Баранов, Дмитрий Александрович.* Музей и репрезентации этнографической реальности // *Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина*. Санкт-Петербург: Европейский Университет, 2007. С. 384–396.
- Баранов, Дмитрий Александрович.* Музей, вещь, собиратель... // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Вып. 3. Москва: МГУ, 2004. С. 89–93.
- Баранов, Дмитрий Александрович.* О чем молчат вещи // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 5. С. 25–39.
- Барјактаровић, Мирко.* Порекло и време настајања «Црногорске ношње» // *Гласник Етнографског музеја у Београду*. 1979. Књ. 43. С. 119–134.
- Беляева, Валентина Ивановна.* Деятельность А. А. Вознесенского во Всеславянском комитете и Славянском комитете СССР // *Советское славяноведение*. 1973. № 3. С. 92–93.
- Братић, Тома.* Народна ношња у Херцеговини // *Гласник Земалског музеја*. 1906. Књ. 8. С. 229–243.
- Ван Мени, Петер.* К методологији музеологији // *Вопросы музеологии*. 2014. № 1 (9). С. 64–78.
- Влаховић, Митар.* О најстаријој капи код Југословена с обзиром на збирку капа етнографског музеја у Београду // *Зборник Етнографског музеја у Београду 1901–1951*. Београд: Научна књига, 1953. С. 144–163.
- Де Сомјер, Виала Луис Клод.* Историјско и политичко путовање у Црну Гору. Цетиње: ИЦ Цетиње, 1995. 383 с.
- Досталь, Марина Юрьевна.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах*. Москва: Индрик, 2000. С. 175–188.
- Досталь, Марина Юрьевна.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых-славистов // *Славянский вопрос*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 182–203.
- Досталь, Марина Юрьевна.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX–XX вв*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 128–142.
- Ердељановић, Јован.* Стара Црна Гора. Београд: Слово љубве, 1978. 901 с.
- Колосков, Евгений Андреевич.* Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2. С. 152–168.
- Кузьмичева, Людмила Васильевна.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей дома Романовых в конце XIX – начале XX в. // *Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)*. Санкт-Петербург: Алетейа, 2009. С. 189–201.
- Кулиева, Измира.* Женские головные уборы как атрибут азербайджанского национального костюма // *Irs/Наследие/Heritage*. № 4 (82). 2016. С. 44–48.

Караџић, Вук Стефановић. Црна Гора и Црногорци. Штутгарт, 1837 // URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Црна_Гора_и_Црногорци (дата посещења — 31.08.2018).

К. Р. (Романов, Константин Константинович). Дневници. Воспоминания. Стихи. Письма. Москва: Искусство, 1998. 493 с.

Медаковић, Милорад Георгијев. Живот и обичаје црногораца. Нови Сад: Епископска књигопечатња, 1860. 190 с.

Лысенко, Олег Викторович; Прокопьева, Наталья Николаевна. Исследователи традиционной культуры и их коллекции: отражение в зеркале музейного собрания // Материалы по этнографии. Т. III. Санкт-Петербург: Навигатор, 2010. С. 323–329.

Михайлова, Алена Алексеевна. Феномен сглаза и бережные мотивы в сербской традиционной вышивке: поиск актуального подхода к изучению этномузеологического наследия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2 (20). С. 47–64.

Мыльников, Александр Сергеевич. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград: Наука, 1989. С. 7–37.

Народы Зарубежной Европы. Т. 1. Москва: Наука, 1964. 999 с.

Ненадовић, Љубомир. О црногорцима. Писма са Цетиња. Нови Сад: А. Пајевић, 1889. 315 с.

Струнина, Наталья Григорьевна. Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. Москва: Индрик, 2011. С. 174–238.

Указатель русской этнографической выставки, устроенной Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском Университете. Москва: Катков и К^о, 1867. 148 с.

Information about the article

Author: Mikhaylova, Alena Alekseevna — PhD in History, Leading Researcher, the Russian Museum of Ethnography, Department of Belorussian, Ukrainian and Moldavian Ethnography, St. Petersburg, Russia, alena-muzej@yandex.ru

Title: «Montenegrin cap» as a visual chronicle: to the problem of reflection of history in ethnographic artifacts (on materials of the Russian Museum of Ethnography)

Summary: The article raises the problem of memorizing the history through objectified forms of culture. Special attention is paid to the study of the reflection of political and ethnocultural transformations in ethnographic museum artifacts. The study is focused on several samples of Montenegrin men's caps from the middle of the XIX - the end of the XX century from the collections of Russian Museum of Ethnography. Mentioned artifacts are associated with the traditional culture of the Montenegrins. Viewed in conjunction with written and illustrative sources, as well as similar artifacts from the collections of other museums, they demonstrate their important role in representing the Montenegrin national identity. The Montenegrin cap as the element of the national costume became popular among the population of Montenegro during the formation of the statehood of the country in the middle of XIX century. In its decoration the cap expresses the political experience of the ethnic community. The cap appears as a dynamic cultural phenomenon which has demonstrated its semantic and functional variability in a last couple of centuries as well as the way of the reflection of the spiritual world in the world of objects. The source study of museum artifacts provides an ample of opportunities for their interpretation. The theoretical reconstruction of the ambient in which those artifacts have been used contributes to the multidimensional vision of the historical picture. Observing the metamorphosis of the decoration of the The article raises the problem of memorizing the history through objectified forms of culture. Special attention is paid to the reflection of political and ethnocultural transformations in ethnographic artifacts. The study is focused on several samples of Montenegrin cap from since middle of XIX to the end of XX century from the collections of Russian Museum of Ethnography. Viewed in conjunction with written, illustrative sources and similar artifacts from the collections of other museums, they demonstrate their important role in representation the Montenegrin national identity. The Montenegrin cap as the element of the national costume became popular among the population of Montenegro during the formation of the statehood of the country in the middle of XIX century. It expresses the political experience of the ethnic community and appears as a dynamic cultural phenomenon which has demonstrated its semantic and functional variability in a last couple of centuries. The theoretical reconstruction of the ambient in which those artifacts have been used contributes to the multidimensional vision of the historical picture. Observing the metamorphosis of the decoration of the Montenegrin cap makes it possible to analyze the ethnic processes

in Balkan area. The study shows how artifacts can act as instruments of recording and transmitting the collective memory of ethnic communities.

Keywords: source study, heritage, museum, identity, Montenegrin cap, representation, ethnicity

References:

Adzhich, Novak. *U vuchyim chelyustima zbog Crne Gore* [In a wolf's chaps because of Montenegro] (publ. — September 2, 2013) (URL: <http://portalanalitika.me/clanak/113755/u-vucjim-celjustima-zbog-crnegore> (last visited — July 1, 2018)). (in Montenegrin).

Andreeva, Irina Valeryevna. Muzeyniy predmet kak dokument: k istokam dokumentivnoy kontseptsii muzevedeniya [Museum object as a document. To the origin of the document theory], in *Vestnik kultury i iskusstv*. 2017. No. 3 (51). Pp. 7–15. (in Russian).

Baranov, Dmitriy Aleksandrovich. Muzey i reprezentatsii etnograficheskoy real'nosti [Museum and representation of the ethnographic reality], in *Sbornik statey k 60-letiyu A. K. Bayburina*. St. Petersburg: European University Press, 2007. Pp. 384–396. (in Russian).

Baranov, Dmitriy Aleksandrovich. Muzey, veshch, sobiratel'... [Museum, object, collector], in *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki*. Vol. 3. Moscow: M. V. Lomonosov Moscow State University Press, 2004. Pp. 89–93. (in Russian).

Baranov, Dmitriy Aleksandrovich. O chem molchat veshchi [What are the things kept silent about], in *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 5. Pp. 25–39. (in Russian).

Baryaktarovich, Mirko. Poreklo i vreme nastayanya «Crnogorske noshnye» [The origin and the time of the formation of «Montenegrin dress»], in *Glasnik etnografskog muzeya u Beogradu*. 1979. Vol. 43. Pp. 119–134. (in Serbo-Croatian).

Bayburin, Albert Kashfullovich. Semioticheskiy status veshchey i mifologiya [The semiotic status of things and mythology], in *Material'naya kul'tura i mifologiya*. Leningrad: Nauka Publ., 1981. Pp. 215–226. (in Russian).

Belyaeva, Valentina Ivanovna. Deyatelnost' A. A. Voznesenskogo vo Vseslavyanskom komitete i Slavyanskom komitete SSSR [A. A. Voznesensky's activities in USSR's All-Slavic committee], in *Sovetskoe Slavyanovedenie*. 1973. No. 3. Pp. 92–93. (in Russian).

Blagoyevich, Aleksandra. *Pricha o crnogorskim kapama* [The story about a Montenegrin cap] (publ. — October 7, 2016) (URL: <http://mondo.rs/a945627/Info/Ex-Yu/Crnogorska-narodna-nosnja.html> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).

Bratic, Toma. Narodna noshnya u Hercegovini [The folk dress in Hercegovina], in *Glasnik Zemal'skog muzeya*. 1906. Vol. 8. Pp. 229–243. (in Serbian).

Chosovich, Miroslav. Bayke o tsernogorskom ucheshchu [The story about Montenegrin participation] (publ. — June 26, 2013) (URL: <https://portalanalitika.me/clanak/105978/bajke-o-crnogorskom-ucescu> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).

Chosovich, Miroslav. *Kako su chetiri ocila importovana u Crnu Goru 1918 godine* [How was the symbol «chetiri ocila» imported to Montenegro in 1918] (publ. — February 29, 2016) (URL: <https://portalanalitika.me/clanak/220605/kako-su-cetiri-ocila-importovana-u-crnu-goru-1918-godine> (last visited — August 31, 2018)) (in Montenegrin).

De Somiyer, Viala Luis Klod. *Istoriysko i politichko putovanye u Crnu Goru* [Historical and political travel to Montenegro]. Cetinje: IC Cetinje Publ., 1995. 383 p. (in Serbian).

Dostal', Marina Yuryevna. Ideya slavyanskoy solidarnosti i nesostoyavshiysya v Moskve v 1948 g. perviy obshch斯拉vianskiy kongress uchenykh-slavistov [The idea of Slavic solidarity and the Failed All-Slavic Congress of Scholars in Moscow (1948)], in *Slavyanskiy vopros*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1997. Pp. 182–203. (in Russian).

Dostal', Marina Yuryevna. «Novoe slavyanskoe dvizhenie» v SSSR i Vseslavyanskiy komitet v Moskve v gody voyny [The New Slavic movement in the USSR and the All-Slavic Committee in Moscow during the war years], in *Slavyanskiy al'manakh*. Moscow: Indrik Publ., 2000. Pp. 175–188. (in Russian).

Dostal', Marina Yuryevna. Slavyanskiy kongress v Belgrade v 1946 g. [Slavic Congress in Belgrade in 1946], in *Slavyanskiye s'ezdy XIX–XX vv*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences Press, 1994. Pp. 128–142. (in Russian).

Ebel, Vilhelm. *Dvanaest dana u Crnoj Gori* [Twelve days in Montenegro]. Podgorica: CID Publ., 2006. 211 p. (in Serbian).

Erdelyanovich, Yovan. *Stara Crna Ggora* [The Old Montenegro]. Belgrade: Slovo Iyubve Publ., 1978. 901 p. (in Serbo-Croatian).

- Golicin, Dmitriy. *Kray sinyega mora. Bilyeshke sa puta po Crnoy Gori i dalmatinskoj obali* [Beside the blue sea. The notes from a trip to Montenegro and Dalmatian coast]. Podgorica: CID Publ., 1999. 178 p. (in Serbian).
- Gopchevich, Spiridon. *Crna Gora i crnogorci* [The Montenegro and the Montenegrins]. Podgorica: CID Publ., 2008. 241 p. (in Montenegrin).
- Greenawalt, Alexander. Kosovo Myths: Karadzich, Njegosh, and the Transformation of Serb Memory, in *Spaces of identity*. 2001. Vol. 3. Pp. 49–65.
- Hasert, Kurt. *Crna Cora. Putopisi* [The Montenegro. Travelogue]. Vol. 1. Podgorica; Cetinje: CID Publ., 1995. 492 p. (in Serbian).
- Holechek, Josef. *Crna Gora* [The Montenegro]. Podgorica: CID Publ., 1995. 150 p. (in Serbian).
- Ivanovich, Bozhina. Antropoloshki lik velikog vojvode Mirka Petrovicha [Anthropological appearance of a Great Duke Mirko Petrovich], in *Medyunarodno priznanje Crne Gore*. Nikshich: CANU Publ., 1999. Pp. 311–324. (in Serbian).
- Kadich, Velisha. *Crna Gora: Srpski baryak samo na svadbama* [Montenegro: Serbian flag only on weddings] (publ. — November 6, 2017) (URL: <http://www.novosti.rs/vesti/planeta.300.html:694322-Crna-Gora-Srpski-barjak-samo-na-svadbama> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).
- Koloskov, Evgeniy Andreevich. Kosovskiy mif v sovremennoy serbskoy i albanskoj istoriografii: etapy i osnovnye tendentsii [Kosovo myth in Contemporary Serbian and Albanian historiography: Stages and the main trends], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. No. 2. Pp. 152–168. (in Russian).
- Karadzich, Vuk Stefanovich. *Crna Gora i Crnogorci* [The Montenegro and Montenegrins]. Stuttgart, 1837 (URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Црна_Гора_и_Црногорци (last visited — 31.08.2018)). (in Serbian).
- K. R. (Romanov, Konstantin Konstantinovich). *Dnevnik. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma* [The Diaries. Memoires. Poems. Letters]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1998. 493 p. (in Russian).
- Kulieva, Izmira. Zhenskije golovnye ubory kak atribut azerbaydzhanskogo natsional'nogo kostyuma [Female headdresses as an attribute of the Azerbaijani national costume], in *Irs / Nasledie / Heritage*. 2016. No. 4 (82). Pp. 44–48. (in Russian).
- Kuz'micheva, Lyudmila Vasilyevna. Pravyashchie dinastii Serbii i Chernogorii v vospriyatii predstaviteley doma Romanovykh v kontse XIX – nachale XX v. [The ruling dynasties of Serbia and Montenegro in the perception of representatives of the Romanov's house in the late 19th – 20th century], in *Chelovek na Balkanakh: Vlast' i obschestvo: opyt vzaimodeystviya (konets XIX – nachalo XX v.)*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2009. Pp. 189–201. (in Russian).
- Lysenko, Oleg Viktorovich; Prokopyeva, Natalya Nikolaevna. Issledovateli traditsionnoy kul'tury i ikh kolleksii: otrazhenie v zerkale muzeynogo sobraniya [Researchers of traditional culture and their collections as the reflection in the mirror of the museum collections], in *Materialy po etnografii*. Vol. III. St. Petersburg: Navigator Publ., 2010. Pp. 323–329. (in Russian).
- Malbasha, Predrag. *Periferik* [Peripheric]. Cetinje: P. Malbasha Publ., 2006. 156 p. (in Montenegrin).
- Malcolm, Noel. *Kosovo: A Short History*. New York: New York University Press, 1999. 492 p.
- Marzh, Pyer. *Putovanye po Crnoy Gori i Hercegovini* [Travelling to Montenegro and Herzegovina]. Podgorica: CID Publ., 2000. 99 p. (in Montenegrin).
- Medakovich, Milorad Georgiyev. *Zhivot i obichay crnogoraca* [The Montenegrin's life and traditions]. Novi Sad: Episkopska knjopechatnya Publ., 1860. 190 p. (in Serbian).
- Mikhaylova, Alena Alekseevna. Fenomen sglaza i oberezhnye motivy v serbskoy traditsionnoy vyshivke: poisk aktual'nogo podkhoda k izucheniyu etnomuzeologicheskogo naslediya [The phenomenon of the evil eye and apotropaic motives in Serbian traditional embroidery: looking for relevant approach to the study of ethnomuseological heritage], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. No. 2 (20). Pp. 47–64. (in Russian).
- Miloshevich, Milorad. *Pokloni za diplomate: Malo kineski, malo crnogorski vez* [Gifts for diplomats: A little Chinese and a little Montenegrin embroidery] (publ. — February 2, 2013) (URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/pokloni-za-diplomate-malo-kineski-malo-crnogorski-vez-115426> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).
- Miloshevich, Milorad. *Za protokolarne poklone naruchene yeftine kopiye crnogorske kape* [A cheap copy of the Montenegrin hat was ordered for protocol gifts] (publ. — March 15, 2013) (URL: <http://www.vijesti.me/ekonomija/pokloni-za-diplomate-malo-kineski-malo-crnogorski-vez-115426> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).
- Morgan, Kamilo. *Crna Gora* [The Montenegro]. Podgorica: CID Publ., 2004. 133 p. (in Montenegrin).

- Mrvalyevich, Zorica. *Crnogorska narodna noshnya* [Montenegrin folk costume]. Podgorica: Muzeji i galerije Publ., 2006. 205 p. (in Montenegrin).
- Myl'nikov, Aleksandr Sergeevich. Yazyk kul'tury i voprosy izucheniya etnicheskoy spetsifiki sredstv znakovoy kommunikatsii komunikatsii [The language of the culture and the issue of studying the ethnic specificity of the means of signal communication], in *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*. Leningrad: Nauka Publ., 1989. Pp. 7–37. (in Russian).
- Narody Zarubezhnoy Evropy* [Peoples of foreign Europe]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1964. 999 p. (in Russian).
- Nenadovich, Lyubomir. *O crnogorcima. Pisma sa Cetinya* [About the Montenegrins. The letters from Cetinje]. Novi Sad: A. Pajevich Publ., 1889. 315 p. (in Serbian).
- Radoyevich, Danilo. *Ukrasi na crnogorskoj kapi* [Decorations on the Montenegrin cap] (URL: http://www.montenegro.org.au/ukrasi_na_crnogorskoj_kapi.html (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).
- Rash, Gustav. *Crna Gora u prichama* [The Montenegro in stories]. Podgorica: CID Publ., 2001. 151 p. (in Montenegrin).
- Rotkovich, Radoslav. *Crna Gora i Dushanovo carstvo* [The Montenegro and the Dushan's Empire]. Cetinje: Grafos Publ., 1997. 269 p. (in Serbian).
- Rovinsky, Pavel Apollonovich. *Etnografiya Crne Gore* [Ethnography of Montenegro]. Vol. 1. Podgorica: CID Publ., 1998. 520 p. (in Serbian).
- Standard obyashnyava*: Otkud yevreysky simbol na crnogorskoj kapi Danila Petrovicha? (URL: <http://standard.co.me/index.php/drustvo/item/10908-standard-objasnjava-otkud-jevrejski-simbol-na-crnogorskoj-kapi-danila-petrovica> (last visited — August 31, 2018)). (in Montenegrin).
- Strunina, Natalya Grigoryevna. Nikola Petrovich-Negosh i ego docheri — russkie velikie knyagini Romanovy [Nikola Petrovich-Niegosh and his daughters — the Russian Grand Duchesses of Romanovs], in *Chernogortsy v Rossii*. Moscow: Indrik Publ., 2011. Pp. 174–238. (in Russian).
- Ukazatel' russkoy etnograficheskoy vystavki, ustroennoy Imperatorskim obshchestvom lyubiteley estestvoznaniya, sostoyashchim pri Imperatorskom Moskovskom Universitete* [The index of the Russian ethnographic exhibition, arranged by the Imperial Society of Naturalists of the Imperial Moscow University]. Moscow: Katkov i Co Publ., 1867. 148 p. (in Russian).
- Van Mandere, Henri. *Crna Gora* [The Montenegro]. Podgorica: CID Publ., 2002. 181 p. (in Montenegrin).
- Van Mensh, Peter. K metodologii muzeologii [To the museological methodology], in *Voprosy muzeologii*. 2014. No. 1 (9). Pp. 64–78. (in Russian).
- Vlahovich, Mitar. O naystariyoy kapi kod Jugoslovena s obzirom na zbirku kapa etnografskog muzeya u Beogradu [About the oldest pattern of jugoslavian cap in regard to the collection of Ethnography museum in Belgrade], in *Zbornik etnografskog muzeya u Beogradu 1901–1951*. Belgrade: Nauchnaya kniga Publ., 1953. Pp. 144–163. (in Serbo-Croatian).
- Vuyachich, Velimir. Veze Crnogoraca i Hrvata u doba Svetog Petra i Nyegosha [The connections of Montenegrins and Croats in the time of St. Peter and Njegosh], in *Matica*. 2013. Vol. 54. Pp. 265–356. (in Montenegrin).
- Yovich, Tatyana; Yovichevich, Milan. *Crnogorska voyska: organizaciya i uniforme: 1830. do 1914*. [Montenegrin army: organization and uniforms 1830–1914]. Cetinje: Narodni Muzej Crne Gore Publ., 2006. 182 p. (in Montenegrin).
- Yovichevich, Andriya. Crna Gora. (Katunska, Riyechka, Crmnichka, Leshanska i Byelopavlichska nahiya.) Narodni zhivot i obichayi [Montenegro. (Katunska, Riyechka, Crmnichka, Leshanska i Byelopavlichska nahias). Folk life and traditions], in *Zbornik za narodni zhivot i obichaye Yuzhnih Slavena*. 1903. Vol. 8. Sv. 1. Pp. 48–78. (in Serbian).
- Yovichevich, Andriya. *Riyechka nahiya u Crnoy Gori* [Riecke nahia in the Montenegro]. Podgorica: CID Publ., 1999. 470 p. (in Serbian).